

488207

ЮСУФ
БАЛАСАГУНИ

ЮСУФ БАЛАСАГУНИ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

ИЗДАНИЕ

ТРЕТЬЕ

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ЮСУФ БАЛАСАГУНИ

**БЛАГОДАТНОЕ
ЗНАНИЕ**

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1990

ББК 84.(6)9-1
Б20

Редакционная коллегия

Ю. А. Андреев (главный редактор)

И. В. Абашидзе, А. Н. Болдырев,
Р. Г. Гамзатов, Н. С. Гилевич, М. А. Дудин, А. В. Западов,
М. К. Каноат, Д. С. Лихачев, А. М. Малдонис, А. А. Михайлов,
Л. М. Миртчан, Б. И. Олейник, А. И. Павловский

Перевод

С. Н. ИВАНОВА

Вступительная статья

М. С. ФОМКИНА

Примечания

А. Н. МАЛЕХОВОЙ

Редактор Д. М. Климова

Б 4704020000—414 419—90
083(02)—90

- © С. Н. Иванов, перевод. 1990
- © М. С. Фомкин, вступ. ст., 1990
- © А. Н. Малехова, примечания, 1990
- © В. В. Еремин, худож. оформление, 1990

ISBN-5-265-01481-0

Северо-Казакстан облысы
областная библиотека
им. С. Муканова
г. Петропавловск

488207

СОКРОВИЩНИЦА ВОСТОЧНОЙ МУДРОСТИ

Да будет, о мудрый, мой умысел вѣдом:
Я зов обращаю к идущему следом.

О ты, кто начнет эту книгу читать,
Познаешь ты тюркских речей благодать.

Паслось слово тюрков оленем нагорным,
А я приручил его, сделал покорным.

(192, 33, 6618) ¹

Такими словами начинается почти тысячетлетняя история классической тюркоязычной литературы. Эту историю открывает величественный памятник тюркской литературы и культуры — первое, старейшее и единственное в своем роде тюркское поэтическое сочинение XI века, которое прошло сквозь толщу времени и по достоинству вписало имя своего автора в блестящее созвездие его гениальных современников — выразителей духовной культуры народов Средней Азии. Это сочинение — поэма «Кутадгу билиг» («Благодатное знание»), которую без малого тысячу лет назад написал в древнем Кашгаре прозорливый мудрец и вдохновенный поэт Юсуф хассаджадхиб Баласагуни.

1

Повеял Восток благовоньем весенним,
И райским овеяло мир дуновеньем.

И горы, как будто сурьюю и хною,
Багрянцем окрасились, голубизною.

¹ Здесь и далее в скобках указываются номера цитируемых бейтов поэмы «Благодатное знание».

И серны резвятся в цветущих полянах,
Играют маралы в просторах багряных.

И хмурится небо, и плачет навзрыд,
И радостный дол многоцветьем блестит.

(63, 69, 79, 80)

В центре Азии лежит земля, где в древности соприкоснулись несколько великих культур Востока: византийская, арабская, персидская, индийская и китайская. Впитывая их лучшие достижения и, главное, развивая свои собственные традиции, здесь тысячу лет назад начали осваивать новый для себя мир двухтысячелетней городской культуры многочисленные кочевые племена тюрков. Древнейшее название этой земли — Туран,¹ более позднее — Туркестан (страна тюрков), сегодня мы зовем ее Средней Азией.

В IX веке в Туркестане, где до того господствовала иранская династия Саманидов, возникло новое тюркское государство — империя Караханидов, которая просуществовала до начала XIII века. Династию Караханидов, или, как их еще называли современники, «Дом Афрасйаба», «Мулюк аль-хакания» («Властители империи»), основали ханы, принадлежавшие к тюркскому племени карлуков. Карлуки и стали господствующим племенем в Караханидской державе, которая в период своего наибольшего могущества включала в себя Мавераннахр, Фергану, Семиречье, Кашгарию, то есть огромную территорию от Хотана (Синьцзян) до берегов Амударьи.² В империи было два центра: на востоке — город Кашгар, на западе — город Баласагун. Кашгар сами тюрки называли Ордукент («ставка», «столица»), а Баласагун — Кузорду. В X веке караханидские тюрки первыми среди тюркских племен приняли ислам — религию оседлого населения, который постепенно распространялся и среди кочевников. В XI веке властитель Караханидской державы, владевший многими городами Средней и Центральной Азии, среди которых были такие жемчужины Востока, как Самарканд и Бухара, уже носит запечатленный на монетах громкий титул: «Малик аль-машрик ва-с-син» — «Властитель Востока и Китая». Упоминание о владычестве над Китаем имело чисто символическое значение: такие титулы применялись для указания на то, что данный правитель господствовал на границе с какими-нибудь немусульманами.

¹ Пояснения географических названий, исторических имен, специальных терминов, непереуведенных слов и т. п. см. в Словаре.

² Подробнее о государстве Караханидов и культуре караханидских тюрков см.: История Киргизской ССР: Т. I. С древнейших времен до середины XIX века. Фрунзе, 1984. С. 290—380.

Империя Караханидов состояла из трех основных уделов: Мавераннахра, Семиречья и Восточного Туркестана, однако в результате бесконечных междоусобных столкновений, борьбы за власть, за лучшие уделы и пастбища происходило дальнейшее дробление страны, что подтачивало устойчивость и мощь государства и привело в итоге к его распаду и гибели: в 1130 году Караханидское государство было завоевано хорезмшахами, а в 1212 году в Самарканде хорезмшахом Мухаммедом был казнен последний представитель западнокараханидской династии.

Тем не менее период господства Караханидов ознаменовался для всех частей их обширной империи значительными экономическими, социальными и культурными сдвигами, причем — в положительную сторону. При караханидском завоевании Средней Азии не было массовых разрушений и опустошений.¹ Города не разрушались, а возделанные земли не превращались в пастбища. Сохранялось население — и городское, и земледельческое. Города Мавераннахра и Семиречья, которые в это время переживали бурный рост за счет расцвета рабадов — торгово-ремесленных кварталов, были настоящими центрами цивилизации: в них шумели восточные базары, кипела работа бесчисленных ремесленников, изготавливавших глиняную посуду, медную утварь, стекло, удивительные художественные изделия; в них работали замечательные стронтели, творения которых и по сей день стоят на земле, а в тихих худжра — кельях — на многих языках Востока писались сочинения, которым суждено было пережить века.²

«Сад повелителя правоверных» — так называли Среднюю Азию XI века восхищенные путешественники и географы того времени. Действительно, XI век для Туркестана и соседнего, тесно связанного с ним Ирана — эпоха удивительного культурного расцвета. Поражает многообразие его проявлений. Это время гениальных ученых, бессмертных поэтов, замечательных зодчих. Среди них — уроженец города Тус в Хорасане, автор гениальной поэмы «Шахнаме» Абулькасим Фирдоуси (ок. 935 — ок. 1020); уроженец Хорезма, ученый-энциклопедист Абу Рейхан Бируни (973—1048); уроженец Бухары, ученый, врач и поэт Абу Али Ибн Сина, известный в Европе как Авиценна (980—1037); уроженец Нишапура, математик, астроном и поэт-философ Омар Хайям (ок. 1048 — после 1122). Удивляет и восхищает, что Бируни еще в XI веке определил длину окружности

¹ Подробнее см.: Кляшторный С. Г. Эпоха «Кутадгу билиг» // «Сов. тюркология». 1970, № 4. С. 82—86.

² Подробнее см.: Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Соч. М., 1963. Т. 2, ч. 1. С. 246—247 (далее сокращенно: Бартольд В. В. История культурной жизни).

Земли и в противовес всем догмам полагал, что Земля вращается вокруг Солнца.

В Туркестане того времени широко использовались три языка: тюркский, арабский и персидский. Тюркский язык в культурных областях Туркестана был языком пришельцев из степи, кочевников, которые переходили к оседлости и благодаря своей многочисленности не только сохраняли свой язык, но и распространяли его среди туземцев; начинался процесс постепенной тюркизации края. Арабский был языком религии, науки, юридического делопроизводства, отчасти — поэзии. Персидский расцветал в прекрасных поэтических образцах, например, бухарского литературного круга, будучи при этом в Туркестане уже с X века также и языком богословской литературы.¹ Все три языка использовали один общемусульманский алфавит — арабский, но, чтобы писать по-тюркски, использовался также и второй алфавит — уйгурский. Вообще же собственная тюркская письменность восходит к еще более древним временам, которые представлены тюркскими руническими памятниками VII века.²

В культурной жизни Туркестана в ту пору особую роль играли две тюркские столицы — города Баласагун и Кашгар: первый — в Семиречье, в Чуйской долине, «большой, многолюдный и богатый город», по словам арабского географа X века аль-Мукаддаси;³ другой — цветущий оазис в мертвой пустыне Такла-Макан у подножия великого Тянь-Шаня. Через них в то время проходил «Великий шелковый путь» между Китаем и Византией, по которому везли драгоценный китайский шелк и фарфор, а вместе с этим — бесценные рукописи со всего Востока и бесчисленные рассказы о других странах, о других людях, о другой человеческой культуре. Именно через Кашгар прошел в XIII веке караван венецианских купцов, среди которых был и описавший увиденное Марко Поло. В XI веке эти города являлись восточными форпостами мусульманского мира и были главными центрами нарождающейся тюркоязычной мусульманской литературы.

Судя по большому числу сохранившихся имен поэтов и писателей, литература караханидского периода в Средней Азии была, очевидно, довольно значительна. Имена многих писателей XI века из Кашгарии перечисляет, например, в своем труде «Китаб аль-ансаб» («Книга нисб») биограф Самани Абу Саид (ум. 1113). Однако в большинстве случаев кроме имен о литераторах неизвестно более ничего: их сочине-

¹ См.: Бартольд В. В. История культурной жизни. С. 194—195.

² Подробнее см.: Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников: VII—IX вв. Л., 1980.

³ Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья // Соч. М., 1963. Т. 2, ч. 1. С. 40 (далее сокращенно: Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья).

ния канули в небытие. Но, по счастью, в Кашгаре XI века вырос и получил образование Махмуд Кашгари — первый ученый-тюрколог, без преувеличения — великий филолог того времени, автор драгоценного «Словаря тюркских языков» («Диван лугат ат-турк»), чудом дошедшего до наших дней в единственной рукописи. Из его труда мы знаем, что у караханидских тюрков была своя богатая народная поэзия, совершенно не подверженная персидскому влиянию.¹ Была, конечно, и авторская тюркоязычная поэзия, но роль и место поэтов-тюрков в культурной жизни Туркестана были, видимо, весьма скромны. Тюркские правители в завоеванных ими областях Средней Азии подчинялись влиянию местной (персидской) культуры и не только держали при своем дворе персидских поэтов, но и сами писали персидские стихи. «В коренных культурных областях Туркестана мы, — пишет академик В. В. Бартольд, — в домонгольскую эпоху не видим никаких попыток создать литературу на турецком (т. е. тюркском. — М. Ф.) языке».²

Таким образом, «слово тюрков», вчерашних кочевников, все еще «паслось оленем нагорным». Чтобы «приручить» его, придать ему в тех условиях авторитет книжной, придворной литературы, нужно было творческое усилие и талант настоящего поэта. Им и стал тюрк Юсуф хасс-хаджиб Баласагуни, с законной гордостью написавший в начале своей поэмы «Благодатное знание»:

Да, книг у арабов, таджиков немало,
А нашу речь сия — лишь начало.

(73)

Переплавливая в своем творческом горении несколько литературных традиций и стоя на благодатной почве устной словесности тюрков, Юсуф Баласагуни создает монументальное эпическое творение, великий памятник тюркоязычной поэзии, достойный быть названным в ряду крупнейших произведений мировой литературы средневековья.

2

Четыреста да шестьдесят да второй
Шел год, как я этому слову дал строй.

Не думой о славе я был одержим,
Желал людям благ я — своим и чужим.

¹ См.: Бартольд В. В. История культурной жизни. С. 203.

² Там же. С. 256.

Наследство живому от мертвого — слово,
И польза верна от наследья такого.

Живой и живущий! Меня не забудь,
Когда под землей мне придется заснуть!

(6496, 6503, 270, 6508)

Обессмертивший свое имя Юсуф родился в г. Баласагуне, от названия которого происходит нисба поэта — Баласагуни. От Баласагуна на земле осталось только название. Стоял он на территории современной Киргизской ССР, на берегах реки Чу, неподалеку от нынешнего г. Токмак. С находящимися здесь развалинами городища и башни Бурана — огромного минарета, построенного в начале XI века, ученые и отождествляют Баласагун. Город погиб, вероятно, во время бесконечных распрей в XIV веке. Уже в XVI веке восточные историки знали его название только из книг.¹

Удивительно, но факт: ни Юсуф Баласагуни, ни его современник и земляк Махмуд Кашгари — выдающиеся деятели тюркоязычной культуры своего времени — не упоминаются ни у одного восточного биографа или библиографа.² Поэтому все наши сведения о Юсуфе Баласагуни состоят лишь из кратких данных, содержащихся в самом его сочинении.

«Четыреста да шестьдесят да второй» год хиджры, когда поэт закончил свой труд, соответствует 1069—1070 годам европейского календаря. Юсуф писал свою поэму, будучи весьма в преклонных годах по понятиям того времени:

А мне пятьдесят, и немолод я телом,
Был вороном черным, стал лебедем белым.
(365)

Что сделал я вам, пятьдесят моих лет?
За что ваша месть насылает мне бед?
(369)

Исходя из этих цифр и с учетом различных поправок дата рождения Юсуфа приходится на 1015—1018 годы. Дату и место смерти,

¹ Подробнее см.: Бартольд В. В. Баласагун // Соч. М., 1965. Т. 3. С. 355—357; Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. // Соч. М., 1966. Т. 4. С. 50—57; Массон М. Е., Горячева В. Д. Бурана: История изучения городища и его архитектурных памятников. Фрунзе, 1985.

² Кюнонов А. Н. Слово о Юсуфе из Баласагуна и его поэме «Кутадгу билиг» // «Сов. тюркология». 1970, № 4. С. 4.

а также место захоронения Юсуфа Баласагуни мы, видимо, уже никогда не узнаем. О себе поэт в прозаическом предисловии к поэме пишет: «Сочинитель сей книги — уроженец Баласагуна, муж воздержанный и благочестивый. Завершил же книгу сию он в Кашгаре и представил ее ко двору властителя Востока Табгач-хана; повелитель почтил и возвеличил сочинителя, дав ему титул хасс-хаджиба; посему и известна слава имени его — Юсуфа, Великого хасс-хаджиба». Полное имя и титул «Властителя Востока и Китая», которому поэт преподнес свой труд, звучали так: Табгач-Богра-Кара-хакан Абу Али Хасан, сын Сулеймана, Арслан-Кара-хакана (правил в 1056—1103 гг.).¹ Поэт в своей поэме называет его Табгач-Кара-Богра-хан (китайский великий Богра-хан). Улуг хасс-хаджиб — это высокое придворное звание, обладатель его был главой всего придворного штата. В современном понимании это звание примерно соответствует «министру двора».²

Улуг хасс-хаджиб — всевидящее око правителя; он наблюдает за исполнением законов и обычаев, входит в сношения с казначеем, писцами, ремесленниками, принимает и провожает послов, наблюдает за правильной организацией официальных церемоний, выслушивает просьбы и жалобы бедняков, вдов и сирот, докладывает о них элику (правителю), то есть Табгач-Кара-Богра-хану:

Все знать и радеть обо всем до конца
Великий хаджиб должен в поте лица.
И если подумать, суть дел разумея,
Служенье хаджиба — всех служб тяжелее.

(2483, 2484)

Так говорит об этой должности сам Юсуф Баласагуни и обстоятельно перечисляет качества того, «кто быть всем хаджибам главою пригоден»:

«Хаджиб, десять свойств твою честь вознесут:
Всё видя и слыша, будь сердцем не крут,
Будь ладен и статен, умен и красив,
Сметлив будь и мудр, ведай дело и труд».

(2487, 2488)

¹ Бартольд В. В. Богра-хан, упомянутый в «Кутадгу билик» // Соч. М., 1968. Т. 5. С. 420.

² Кононов А. Н. Поэма Юсуфа Баласагунского «Благодатное знание» // Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / Издание подготовил С. Н. Иванов. М., 1983. Лит. памятники. С. 501 (далее сокращенно: Кононов А. Н. Поэма Юсуфа Баласагунского).

Из поэмы Юсуфа Баласагуни с полной очевидностью устанавливается, что он «был выдающимся поэтом, высокообразованным человеком, многоумрым знатоком человеческой души, философом, ученым-энциклопедистом, стихотворцем, владевшим всеми тонкостями арабской и персидской поэзии и тюркского фольклора; он был сведущ в астрономии и математике, в медицине и элоквиенции, в игре в шахматы и народных спортивных играх, в охоте и птицеводстве и во многом, многом другом».¹ Это не удивительно — на средневековом мусульманском Востоке придворный поэт, чтобы считаться таковым, должен был пройти обязательный — и весьма обширный — курс наук. В сочетании с талантом, интеллектом и собственным опытом это давало литературе поистине вершинные поэтические явления.

3

Бессчетны владыке всевластья даянья,
Мой дар — этот свод, «Благодатное знание».

Дары те не вечны — удел их таков,
А мой будет вечен во веки веков!

Что накопишь, сберешь — всё уйдет незаметно,
А слава письмен неизбывна, всесветна!

(112, 113, 114)

Пророческими оказались слова мудреца из Баласагуна — девять веков беспощадного времени оказались не властны над его творением.

Своеобразный нравственный кодекс своего времени, «Благодатное знание» — эпическое произведение этико-дидактического характера, написанное с целью указать путь, ведущий к познанию мудрости правления, житейского обихода и обращения с людьми. При всей своей моралистической направленности «Благодатное знание» не является и не может считаться, как иногда на этом настаивают, книгой сухих этико-дидактических наставлений и поучений. Это — философское произведение, в котором анализируются смысл и значение человеческой жизни и определяются обязанности и нормы поведения человека в обществе; при этом Юсуф не боится критиковать общество, в котором он сам живет.²

Этико-моралистические сочинения были давно и широко известны

¹ Кононов А. Н. Поэма Юсуфа Баласагунского. С. 517.

² Там же. С. 506—507.

на Востоке и на Западе. Этот жанр был известен древним египтянам, индийцам, арабам («Китаб аль-адаб аль-кабир» — «Большая книга наставлений», «Уюн аль-ахбар» — «Источники известий»), персам («Сиясетнаме» — «Книга о правлении», «Кабуснаме» — «Книга Кабуса», «Пенднаме» — «Книга наставлений»), а позже и европейцам, которые в эпоху Ренессанса, то есть почти пять веков спустя после «Благодатного знания», для выражения тех же идей пользовались формой «зерцал», отображавших их этические идеалы. У французов было «Miroire des Princes» — «Зерцало государей»; у англичан «Mirror of Princes» — «Зерцало государей»; у немцев «Fürstenspiegel» — «Княжеское зеркало»; у славян близкими к этому жанру были свои нравоучительные книги: старославянский «Златоструй», русский «Златоуст», «Домострой» и другие.¹

В оригинале поэма Юсуфа Баласагуни носит название «Кутадгу билиг», которое все исследователи этого шедевра тюркоязычной поэзии переводили примерно одинаково: «Знание, приносящее счастье», «Знание, делающее счастливым», «Наука быть счастливым». Имея в виду другие значения слов, образующих название поэмы, высказывались предположения, что «Кутадгу билиг» может также значить «Наука об управлении», «Осчастливливающее управление» и «Знание, образующее царей». Действительно, эти переводы хорошо отвечают этико-дидактическому содержанию поэмы, основная идея которой направлена на воспитание и обучение идеального правителя.²

С. Н. Иванов — автор первого полного русского поэтического перевода «Кутадгу билиг» — предложил свой, краткий и вместе с этим предельно емкий перевод названия поэмы: «Благодатное знание». Это заглавие адекватно тюркскому названию не только по смыслу, но и по своей языковой архитектонике.

Композиционно «Благодатное знание» включает в себя два предисловия — прозаическое и стихотворное, 85 глав различного объема, заключение, состоящее из трех стихотворных фрагментов, и большое оглавление, авторская принадлежность которого остается под вопросом.

В связи с этим обратим внимание также на прозаическое и стихотворное предисловия к поэме, где поэт говорит о большой популярности его собственного сочинения на всем Востоке:

В восточных краях и у тюрков повсюду
Ей равная книга неведома люду.

¹ Кононов А. Н. Поэма Юсуфа Баласагунского. С. 517.

² Подробнее см.: Там же. С. 496—497.

И в разных пределах и градах столичных
Дано книге много названий различных.

(19, 26)

Как можно толковать такие высказывания по отношению к только что (или: еще не) написанной книге? Некоторые ученые предполагают, что либо оба предисловия написаны позднее и не автором «Благодатного знания», либо они написаны им, но предназначались для другого сочинения. Думается, что ближе к истине объяснение академика А. Н. Кононова: «По-видимому, речь здесь идет не столько о популярности самой поэмы, сколько о широком распространении сочинений подобного жанра».¹

Памятник огромен по объему: 6722 бейта — самых малых единиц законченной поэтической мысли — составили «Благодатное знание». Бейт (по-арабски буквально: «дом») — это основная единица стиха в литературах так называемого мусульманского региона — арабской, персидско-таджикской и тюркских. Каждый бейт — это отдельный стих, состоящий из двух полустиший (мисра). В восточных рукописях бейт записывался в одну строчку, а между мисра некоторые переписчики ставили другими чернилами какую-нибудь звездочку. Так же размещается бейт и в современных арабографичных изданиях. Однако в европейской переводческой традиции два мисра — эти половинки бейта — располагают не в одну строку, а одно под другим, то есть в виде двух строчек. В жанре месневи — наиболее крупной стихотворной форме, в которой и написано «Благодатное знание», мисра рифмуются между собой, и основная часть поэмы имеет схему рифм *аа, бб, вв* и т. д. Однако три ее заключительных фрагмента написаны как более мелкие поэтические формы — касыды или газели и имеют, соответственно, другую схему рифм: *аа, ба, ва* и т. д. Такая внешняя смена формы имеет здесь и внутреннее, смысловое основание: эта часть поэмы представляет собой не что иное, как прощальную исповедь поэта, проникнутую по-настоящему лиричным, очень искренним человеческим чувством.

Таким образом, общее число рифмующихся строчек в «Благодатном знании» превышает 13 тысяч.

Очень часто в текст поэмы искусно вплетаются афористические высказывания, своеобразные цитаты в форме рубай — четверостишия со схемой рифм *ааба*. Таких четверостиший более двухсот. Остается только гадать, действительно ли это включение «чужих» стихов в текст сочинения или же это литературный прием. Во многих случаях эти рубай производят впечатление вплавленных в авторский текст фольклорных речений — пословиц и поговорок тюрков, тем более что не-

¹ Кононов А. Н. Поэма Юсуфа Баласагунского. С. 499, 507.

которые из них Юсуф Баласагуни и предваряет соответствующим образом: «У тюрков об этом присловие есть, И здесь его к месту хочу я привестъ» (273), «Хранит речи мудрые тюркский язык, Послушай, что молвил премудрый старик» (667), «Послушай, что речь наших предков гласит, Пословицы предков хранить надлежит» (1638). Такое же ощущение фольклорности возникает и в других, не «оговоренных» автором случаях, например:

Есть к этому слову еще одно слово,
Внемли его смыслу, муж сердца благого:

«Разумному счастьем дается почет,
И в почестях жизнь его с честью течет.

Безмозглый и счастье не может хранить:
Глядишь, что ни день — а уже недочет!»

(1713, 1714, 1715)

Поэма Юсуфа Баласагуни — первое известное науке тюркоязычное сочинение, написанное квантитативным стихотворным метром — арузом, заимствованным из арабо-персидской поэзии. Основу аруза составляет определенное чередование долгих и кратких слогов, что соответствует фонетическим особенностям арабского языка, где и возникла эта система стихосложения. В тюркских языках отсутствуют природные фонетические основания для аруза, и поэтому первые тюркоязычные поэты должны были проявить большую изобретательность и виртуозное мастерство, чтобы приспособить эту систему стихосложения к строю своего языка. В дальнейшем арузом были созданы многие и многие высокохудожественные произведения тюркской поэзии, но слава первопроходца на этом пути по праву принадлежит Юсуфу хасс-хаджибу из Баласагуна.

Как система аруз включает в себя несколько десятков размеров — метрических моделей. Для своей поэмы Юсуф Баласагуни избрал восьмистопный усеченный мутакариб. Он характеризуется наличием трех трехсложных стоп и одной двухсложной, причем каждая трехсложная стопа состоит из одного краткого и двух долгих слогов, а двухсложная — из краткого и долгого слогов. Таким образом, общее число слогов в одном мисра — 11: $\vee - - / \vee - - / \vee - - / \vee -$. Три заключительных фрагмента написаны полным мутакарибом, то есть без усечения последней стопы. Выбор такого размера представляется неслучайным. Во-первых, одиннадцатисложник — это очень распространенный размер в тюркской народной (силлабической) поэзии, следовательно, он в определенной мере привычен для тюрков, а во-вторых, мутакарибом же написан и гениаль-

ный героический эпос Фирдоуси «Шахнаме», отзвуки которого постоянно слышны в поэме Юсуфа Баласагуни.

Здесь мы часто говорим, что «Благодатное знание» — памятник тюркоязычной поэзии, но на каком же из тюркских языков (по современной классификации) написана поэма? Какой народ может считаться наследником этого богатства? В прозаическом предисловии к поэме говорится: «... в государствах Туркестана никто не составил свода лучше этой книги, сочиненной на языке бограхановском и тюркской речью». Названный поэтом бограхановский язык — это письменно-литературный язык, распространенный в Караханидской державе (840—1212) эпохи правления хана ханов Табгач-Кара-Богра-хана, что подчеркивает и сам Юсуф Баласагуни, говоря о своей поэме: «Она — Бограханова времени слово, И ханская речь — ее суть и основа» (23). Ученые предполагают, что бограхановскому языку Юсуфа Баласагуни соответствует язык, названный у Махмуда Кашгари, автора «Словаря тюркских языков» (составлялся в течение 1072—1083 гг.), хаканским, который Махмуд считал самым чистым и самым приятным на слух среди других тюркских языков. Однако в современной тюркологии до сих пор нет единого мнения по вопросу определения языка поэмы, который с точки зрения классификации тюркских языков относится к их юго-восточной, или среднеазиатской, группе. Обобщая многочисленные предположения разных ученых, академик А. Н. Кононов пишет: «...язык поэмы Юсуфа Баласагунского можно было бы называть по признаку его высоких достоинств хаканско-тюркским, по династийному признаку караханидско-тюркским, караханидско-уйгурским, судя по племенной принадлежности — карлукским, а по культурно-историческому признаку — карлукско-уйгурским».¹ Таким образом, в наиболее общем виде речь идет о древнеуйгурском (ныне мертвом) письменно-литературном языке, имевшем длительную историю своего развития. Много столетий назад умолкла речь на этом языке и он стал недоступен даже для самих носителей современных тюркских языков. При этом, однако, надо помнить, что подданные Караханидов не называли себя уйгурами и для Юсуфа Баласагуни язык, на котором он писал, не был *уйгурским*.² Но главный для нас вывод ученых заключается здесь в следующем.

«Благодатное знание» — памятник литературного языка смешанного карлукско-уйгурского типа, и какие бы из современных тюркских языков мы ни признали его ближайшими преемниками (прямой и непрерывной преемственности с «Благодатным знанием» у более

¹ Кононов А. Н. Поэма Юсуфа Баласагунского. С. 504.

² Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Соч. М., 1968. Т. 5. С. 114 (далее сокращенно: Бартольд В. В. Двенадцать лекций).

поздних литературных тюркских языков нет), это выдающееся сочинение имеет все основания считаться общим достоянием тюркоязычных литератур среднеазиатского региона.¹

Девять столетий беседуют между собой четыре главных героя Юсуфа Баласагуни. Их беседы — о смысле бытия, о человеческом счастье, о достоинствах, которыми должен обладать человек, об идеальном устройстве общества — и составляют основное содержание поэмы. «Основа сей книги, — пишет мудрец из Баласагуна, — несколько непреходяще ценных суетей: первая — Справедливость, вторая — Счастье, третья — Разум, четвертая — Непритязательность». Их воплощением и предстают герои «Благодатного знания». Элик Кюнтогды (его имя означает: «Солнце взошло», «День занялся») аллегорически олицетворяет собою Справедливость (Правду), Айтолды (дословно: «Полнолуние», «Луна стала полной») символизирует Счастье, Огдюльмиш («Достохвальный») являет в себе свойства Разума (Ума), мудро сдержанный и скромный Одгурмыш аллегорически представляет Непритязательность.²

Как отмечает С. Н. Иванов, беседы героев и их письма, в которых находят отражение «вечные истины» и вневременные нравственные ценности, затрагивают множество различных тем, в их числе — три основные: о неотвратимости смерти и необходимости помышлений о грядущей вечной жизни (не будь беспечным, твори добро, оставь по себе доброе имя), о тщете мирских соблазнов и необходимости служения богу, о непостоянстве суетных благ и необходимости ценить непреходящее (добро, справедливость, ум и знания, сдержанность, щедрость и т. п.). При этом фабула «Благодатного знания», то есть последовательность событий, весьма проста. Айтолды, влекомый молвой о могуществе и справедливости элика Кюнтогды, поступает к нему на службу и становится его ближайшим советником и собеседником. После смерти Айтолды доверенным сподвижником элика становится его сын Огдюльмиш. Для пользы государства Огдюльмиш пытается привлечь на службу при элике своего родственника, мудреца-отшельника Одгурмыша, но тот, так и не согласившись, умирает. Элик и Огдюльмиш печалятся об усопшем, прославляя доблести мужей, подобных умершему.³

Сюжетная часть поэмы — собственно беседы — начинается с главы 12. Первые четыре главы — это традиционное и обязательное в мусульманских литературах восхваление Аллаха, пророка Мухам-

¹ Иванов С. Н. О «Благодатном знании» Юсуфа Баласагунского // Юсуф Баласагунский. Благодатное знание/Издание подготовил С. Н. Иванов. М., 1983. Лит. памятники. С. 531 (далее сокращенно: Иванов С. Н. О «Благодатном знании»).

² Подробнее см.: Там же. С. 521—522.

³ Там же. С. 523—524.

меда, четырех первых халифов и властвующего правителя, которому подносится сочинение. При этом, как подчеркивает академик А. Н. Кононов, Юсуф, будучи правоверным мусульманином, вместе с тем является истинным представителем своего народа, что проявляется в употреблении им в религиозной сфере исконно тюркских слов вместо традиционно принятых арабских.¹ Пятая глава — описание Зодиака, также традиционное, а главы 6—11 являются своеобразным введением к основной части, в котором Юсуф излагает свое восприятие мира и славит самые ценные для него в этом мире вещи — знание и учение, добрые дела и человеческую речь.

Наряду с множеством тем основной части сочинения в ней в отдельных главах (иногда эти главки очень небольшие — десяток-другой бейтов) описываются качества, необходимые беку, везиру, военачальнику, хаджибу, управителю дворца, послу, писцу, казначею, повару, виночерпию, ученому, лекарю, толкователю снов, магу, звездочету, стихотворцу, земледельцу, скотоводу, ремесленнику, торговцу и многим другим людям. Все общество — снизу доверху — охватил зоркий взгляд мудрого хасс-хаджиба.

Действительно, в художественно преображенном виде в сочинении Юсуфа отражена среда, современная автору, — персонажи, события, морально-этические и нравственные идеалы, связанные с жизнью, культурой и идеологией оседлой тюркской государственности, еще прочно сохраняющей память о своей кочевой «предыстории».² В своих поучительных иносказаниях Юсуф, конечно, мысленно проецирует идеальные образы людей на фон, состоящий из людей невыдуманных, живых. Но, несмотря на это, не следует, как подчеркивал академик А. Н. Кононов, искать в его поэме точного отображения повседневной жизни современного ему общества, которая проглядывает сквозь поэтическую оболочку, через вуаль иносказаний, — ведь Юсуф Баласагуни был прежде всего поэтом.³

Никто не знает — что, какие обстоятельства вызвали к жизни «Благодатное знание» Юсуфа Баласагуни. В более широком плане известно, что на средневековом Востоке существовал своеобразный «социальный заказ» на книги об управлении государством: так, сельджукский правитель XI века Абу-л-Фатх Малик-шах устроил среди своих советников даже своего рода конкурс на лучшую книгу об управлении государством, и таковой стала «Сиясетнаме» («Книга о правлении») везира Низам ал-Мулка.⁴

¹ Кононов А. Н. Поэма Юсуфа Баласагунского. С. 509.

² Иванов С. Н. О «Благодатном знании». С. 520.

³ Кононов А. Н. Поэма Юсуфа Баласагунского. С. 507—508.

⁴ Сиясетнаме: Книга о правлении везира XI столетия Низам ал-Мулка. М.; Л., 1949. С. 7 (далее сокращенно: Сиясетнаме).

✓ Возможно, Юсуф Баласагуни ощущал настоятельную необходимость в создании новой морально-этической основы для современного ему общества, в котором происходили непрерывные и губительные для общего благополучия усобицы между претендентами на власть.¹ Упорядочить на этой основе жизнь недавних кочевников во всех ее сферах, внести в нее стройную организацию призван был, по мнению Юсуфа, бек — «и мудрый, и умный, и правый» (2168), который должен дать подвластному народу главное — закон:

И, чтобы крепить свою власть год за годом,
Закон, а не силу поставь над народом.

Где беком надежный закон утвержден,
Страна там в поре благодатных времен.

Насилие — пламя, что насмерть сожжет,
Закон — это благо живительных вод!

(1435, 2017, 2032)

Здесь, отвлекаясь от темы, нельзя не удивиться прозрениям поэта древности, правота которого подтверждена временем. Благодаря Юсуфу Баласагуни в тюркоязычной культуре уже с XI века закреплена четко выраженная концепция того, что одно из главных условий нормального существования человеческого сообщества — это верховенство в нем Закона. Идеи справедливости, правосудия, человечности, высказанные в поэтической форме в «Благодатном знании», станут с тех пор неотъемлемой принадлежностью тюркоязычной литературы и будут варьироваться в творчестве многих тюркоязычных поэтов, позволяя думать о существовании преемственности идей и образов «Благодатного знания» в творчестве последующих тюркоязычных авторов.

Возвратимся вновь к адресованным беку наставлениям Юсуфа. Быть настоящим правителем непросто:

«Бек должен быть зорким и мудрым, тогда
Негаданным злом не нагрянет беда.

В бесчисленных доблестях имя прославь,
И слава твоя будет вечно тверда!»

(1956, 1957)

Подобные предостережения поэта имели под собой реальные факты: в условиях постоянных усобиц беки-соперники подсылали друг

¹ Кононов А. Н. Поэма Юсуфа Баласагунского. С. 509.

к другу наемных убийц, соглядатаев и т. д. Более того, правитель одного из караханидских уделов Богра-хан Мухаммед был отравлен в 1057 г. своей собственной женой, которая хотела, вопреки желанию мужа, посадить на престол своего сына Ибрагима,¹ что, возможно, и заставило Юсуфа хасс-хаджиба написать:

О мощный властитель, будь в зоркости строг:
Бывает отравлен беспечный едок.

(2142)

Только начавшему приобщаться к более высокой культуре тюрку быть беком не просто не только в своем дворце, но и за его пределами. Считавшие себя более цивилизованными правители Средней Азии и Ирана, сам «повелитель правоверных» — багдадский халиф относились к караханидским ханам как к невеждам, не знающим правил «государственной науки», приличия и манер. Так, багдадский халиф пишет иранскому государю Махмуду, что в сравнении с ним «Властитель Востока и Китая», караханидский хакан — «неуч, тюрк, невежда».² О пренебрежительном отношении соседей к караханидским ханам-тюрькам свидетельствует и рассказ летописца Гардизи о встрече караханида Кадыр-хана Юсуфа с Махмудом Газневидом, где обнаружилось полное незнание хана с царским этикетом и незнание придворных и дипломатических церемоний и обычаев. Гардизи повествует, как смущался, терялся и был неловок Кадыр-хан при вручении государственных даров, а также на торжественном пиру Махмуда Газневиды, постоянно проявляя свое незнание светского этикета и неуклюжесть в обращении.³ Не удивительно поэтому среди множества других и такие строчки у Юсуфа Баласагуни:

Невежда, презревший законы приличий,
Презрен будет всеми, кто знает обычай.

При старших — уж так повелось искони —
К еде после них свои руки тяни.

Жуй медленно, пишу разжуй без остатка
И помни, что дуть на горячее — гадко.

(4596, 4597, 4602)

¹ Бартольд В. В. Богра-хан // Соч. М., 1964. Т. 2, ч. 2. С. 508.

² Сиясетнаме. С. 154.

³ В а л и т о в а А. А. К вопросу о мировоззрении Юсуфа Баласагунского (политические поучения среднеазиатского мыслителя XI века) // Краткие сообщения Института народов Азии. Вып. 71: Из истории философской и общественно-политической мысли стран Востока. М., 1964. С. 106 (далее сокращенно: В а л и т о в а А. А. К вопросу о мировоззрении Юсуфа Баласагунского).

Караханидам — недавним кочевникам, которые хотели получить признание властителей и вельмож соседних оседлых областей, подавить величием и пышностью двора оседлое и кочевое население Мавераннахра и Семиречья, нужен был истинный государь — бек, владеющий всеми необходимыми знаниями и внешними атрибутами власти. Помочь воспитать такого бека и должно было дидактическое сочинение Юсуфа, которое несло «знание, образующее царей».

Однако силой своего разума и таланта поэт поднялся выше конкретных, проходящих вопросов своего времени и своего общества, философски осмысляя их в более широких человеческих и временных рамках. И в этом состоит величие Юсуфа Баласагуни, в творении которого «нашли свое яркое и высокохудожественное выражение общечеловеческие идеи, идеалы и мысли, волновавшие все народы во все времена».¹

4

И эта вот книга — дар добрых времен:
Она — море знаний для тех, кто смышлен.

Но ведает цену ей лишь просвещенный,—
Что может невежда понять неученый!

Кто мудр, эту книгу оценит с почтеньем,—
Лишь тот ценит знания, кто зрел разуменьем.

(9, 20, 74)

Не случайно Юсуф Баласагуни предупреждает, что его сочинение предназначено отнюдь не каждому — глубина содержания «Благодатного знания» и необычный его характер открываются не сразу. Но для вдумчивого читателя «Благодатное знание» — это поистине сокровищница древней восточной мудрости: «В ней — мудрые мысли, куда ни взгляните, Как будто бы жемчуг нанизан на нити» (11). Многие собранные Юсуфом жемчужины не состарились и по сей день.

По Юсуфу, достоинство сынов человеческих составляют три непреходящие ценности: знания, язык и добрые дела. Превыше всего Великий хасс-хаджиб ставит знание:

Хочу я, о мудрый, о слове сказать —
Ученья и знания воспеть благодать.

Познавший ученье — в деяньях весом,
А неуч и мелок и легок во всем.

(287, 297)

¹ Кононов А. Н. Поэма Юсуфа Баласагунского. С. 517.

Язык, речь, слово — величайший дар человеку, утверждает поэт, главное, что отличает человека от животного. Но пользоваться этим чудесным даром нужно тоже с умом:

Язык свой смири, речь рассчитывай точно,
И помни: обильное слово не сочно!

(4333)

Смысл человеческой жизни... В чем он? Тысячелетия мучается этим вопросом разум человека. Мучился им и мудрец из Баласагуна. О чем бы он ни говорил, за этим почти всегда у него стоит напоминание об ожидающей впереди смерти. Но такое постоянное «*memento mori*» — «помни о смерти» — не имеет ничего общего с навязчивой идеей, отравляющей жизнь:

И помни о смерти — без мук, непрестанно:
Не дай, достославный, ей грянуть неожиданно!

(5234)

Это — трезвое и мужественное напоминание людям, которые порой относятся к жизни недостаточно осмысленно именно из-за того, что забывают о неминуемой смерти. Осознавший мимолетность индивидуального существования философ подсказывает единственно достойную, по его мнению, линию поведения: пренебрежение мнимыми житейскими ценностями ради того, что есть в жизни истинно ценного. Такая вневременная нравственная ценность, придающая смысл человеческой жизни, — добрые дела, которые создают человеку доброе имя — то непреходящее, к чему надо стремиться:

Все смертны, и вечно лишь доброе имя
Того, кто был славен делами своими.

И ты преходящ, будь же именем вечен:
Чье имя бессмертно, тот сам бесконечен.

(228, 229)

Из такого миропонимания вытекают главные отличительные свойства достойного и благородного человека, настоящего мужа по представлениям тысячелетней давности, — свойства, определяющие все его поведение; они сохраняют свою ценность и поныне: это — доброта и человеколюбие:

Достойного мужа не старят года,
Дурной, как ни славь его, дурен всегда.

В раскаянье быстро стареет дурной,
А добрый живуч: он не мучим виной!

(347, 348)

А какого человека можно назвать добрым, и вообще, что такое добро? Поэт говорит об этом в своей отповеди отшельнику Одгурмышу, который удалился от мира и людей для покаяния и которого властитель призывает вернуться назад, к людскому жилью:

Во славу себе ты свершаешь обет,
Смотри, не подействуй себе же во вред!

Когда покаянье — толпе напоказ,
Вся высшая суть его рушится враз.

И добрый — не тот, кто избрал тихий кров,
А тот, кто с людьми и помочь им готов.

(3918, 3919, 3934)

В человеческом сообществе наряду с истинными существуют, однако, мнимые ценности и ложные цели. Поэт показывает никчемность многих людских страстей, подводя читателя к простой и глубокой мысли:

Ведь жизнь — это благо: зря жизни не трать,
Старайся, о доблестный, блага свершать!

И жизнь, что ты прожил, — тебе же отплата:
Лишь то, что ты дал ей, тобой будет взято.

(3545, 3571)

Более чем современно звучат такие наставления Юсуфа:

Без лени трудись, не забрасывай дел,
И словом и делом будь честен и смел.

Пораньше вставай и попозже ложись,
Встающему рано — все блага дались!

И всё совершай с прилежанием пушим,
Тебя и народ твой ждет благо в грядущем.

(1505, 1506, 5505)

Не стареют такие понятия, как «настоящий воин», «муж чести», «защитник от врагов». Образно, ярко описывает поэт храбреца-воителя, в котором соединяются качества едва ли не всех известных азиатскому кочевнику животных: львиная смелость, кабанье упорство, вол-

чий бросок, ярость верблюда, зоркость сороки, бдительность совы... (2310—2315). Но основой при этом остается все же чисто человеческое качество:

У смелых душа духом чести богата:
Муж чести умрет, лишь круша супостата.
(2293)

...Мужчина и женщина, семья, любовь — и об этом сказал свое слово Юсуф. Непростой вопрос — как выбирать себе жену — он решает в свойственном ему духе, ценя в человеке прежде всего разум и отдавая ему предпочтение перед остальными внешними свойствами — богатством, красотой и знатностью:

О жаждущий с умной сойтись, не иначе,
Как ты обретешь все четыре удачи!

Нашел себе умную — тут же спеши,
Бери ее в жены, муж доброй души.

Да будет сойтись тебе с умной дано:
Четыре в ней свойства, и все — как одно!
(4498, 4499, 4503)

Что же касается мужей, то, судя по наставлениям Юсуфа, в его времена их не выбирали...

Проникновенное лирическое чувство и мудрость маститого старца удивительно соединяются у Юсуфа Баласагуни при обращении к неумиряющей теме любви:

«Влюбленность влюбленных — их лик выдает,
А речь поведут — их язык выдает!

Захочешь узнать, кто влюблен и кто — нет,
Взгляни лишь — их взор в тот же миг выдает!»
(1901, 1902)

Емко, в блестящей поэтической форме излагает Юсуф Баласагуни принципы древней восточной педагогики. Они и сейчас могут служить надежным ориентиром при воспитании детей — суть их проверена веками:

Родятся в семье луноликие чада —
Их дома, не где-нибудь взращивать надо.

Смотри, чтоб без дела твой сын не сидел,—
Бесцельна вся жизнь у сидящих без дел.